

СУДЬБА ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В РОССИИ ПРИ БОЛЬШЕВИКАХ

Георг Вурцер

Доктор, Вильгельмсдорф,
Германия

THE FATE OF THE FOREIGN PRISONERS OF WAR IN RUSSIA UNDER THE RULE OF THE BOLSHEVIKS

G. Wurzer

Annotation

This article focuses upon a subject which, in the socialist literature has been widely researched, but has been seriously neglected in western scholarship. The research in the USSR and the GDR, however, emerged from an ideological point of view, which sometimes hindered a close examination. On the basis of Russian and German archival documents, but also from the memoirs of former prisoners of war, the author tries here for the first time to outline a realistic picture of the living conditions of the prisoners in the first months of soviet rule.

Keywords: First World War, Prisoners of war, Bolsheviks, Russia

Аннотация

В настоящей статье исследуется тема, которая нашла отражение в советской историографии, но на западе не получившая освещения. Однако историки в СССР и ГДР рассматривали эту тему с узкой идеологической точки зрения, которая иногда мешала им видеть действительность. На основе русских и немецких архивных документов, а также мемуаров бывших военнопленных, автор впервые пытается создать реалистическую картину условий жизни военнопленных в начальный период советского правления.

Ключевые слова:

Первая мировая война, военнопленные, большевики, Россия.

По официальным данным немецких и австро-венгерских справочных бюро о военнопленных в течение Первой мировой войны в русский плен попали 2 111 146 австро-венгерских, 158 104 немецких и 51 000 турецких и болгарских солдат. В то время как офицеры в соответствии с положениями Гаагской конвенции пользовались привилегиями, получая, между прочим, зарплату вровень с жалованием русских офицеров, нижние чины в крупных лагерях Сибири и Туркестана терпели крайнюю нужду, прежде всего, в зимние месяцы 1914 – 1916 гг., когда там свирепствовала эпидемия сыпного тифа. С лета 1915 г. они активно привлекались к работам. В результате, к середине 1916 г. только небольшое число здоровых пленных нижних чинов оставалось в лагерях. Условия труда не были одинаковыми. Так, при строительстве пресловутой Мурманской железной дороги из Петрозаводска в Мурманск из 70 000 пленных умерли примерно 25 000 от перегрузок, болезней и недоедания. Одновременно с этим в мелких крестьянских хозяйствах к пленным относились как к членам семей и они жили в материальном плане даже лучше чем на родине.

Кроме нескольких тысяч пленных, которым удалось бежать, а также те, кто подлежал обмену как инвалиды, все остальные находились в России, когда началась Октябрьская революция.

В России и на Западе примерно с начала 2000-х гг.

стали появляться многочисленные исследования жизни военнопленных Первой мировой войны в России до октября 1917 г. Между тем, судьба огромной массы пленных после Октябрьской революции в достаточной степени еще не изучена.

Обзор общей политической ситуации в России

7 и 8 ноября 1917 г. большевики в Петрограде захватили власть. Начался "триумфальный поход советской власти". Во всех больших городах в центре и на севере России местные Советы приняли власть в течение нескольких недель без тяжелых боев. В Сибири советская власть устанавливалась постепенно. Однако к 1918 г. большинство территории бывшей Российской Империи уже находилась под контролем большевиков [40, р. 3–5].

Первый декрет советской власти, принятый вечером 8 ноября 1917 г. был Декретом о мире. Так как западные союзники не хотели созыва всеобщей конференции о мире, советские представители заключили перемирие с немцами. Начинались переговоры о сепаратном мире. Американский историк Е. Модсли описывает захват страны большевиками как "железнодорожную войну". Вагоны переполненные революционерами ехали из про-

мышленных центров для борьбы с оппозицией на периферии. Самыми значительными центрами оппозиции были районы, наполненные казаками, а также националистическая Украина. Однако к середине 1918 г. бывшие территории оппозиции уже находились под советском контролем, была разогнана украинская Рада, потерпели поражение полки Донских, Кубанских и Оренбургских казаков [40, р. 17, 29].

Тем временем в ЦК большевиков победила формула "ни войны, ни мира" эта позиция касалась переговоров о заключении мира с противником. Большевики хотели закончить войну без формального договора о мире. Поэтому 18 февраля 1918 г. центральные державы начали наступление. Они почти не встречали сопротивления. Немецкие войска быстро продвигались на восток. 2 марта ими уже был занят Киев. "Одиннадцатидневная война и Украинская кампания ясно показали слабость Советов" [40, р. 36]. Поэтому Ленин настоял на принятии суровых условий мирного договора. 3 марта 1918 г. был подписан Брест-Литовский мирный договор. Россия отказалась от Польши, Литвы и Западной Латвии, согласилась заключить мирный договор с Украиной. Помимо этого Россия обязывалась демобилизовать свою армию и прекратить всякую агитацию и пропаганду против центральных держав.

6 июля 1918 г. левыми социал-революционерами был убит немецкий посланник граф В. фон Мирбах. Левые эсеры заняли здание правительства и взяли в плен начальника ЧК Ф.Э. Дзержинского. И только латышские стрелки смогли тогда спасти советское правительство [40, р. 33, 40–41].

Против Германии Советы проводили политику умиротворения. 25 мая 1918 г. в Западной Сибири начались сражения между Чехословацким легионом и войсками советского государства. Чехословацкий легион составлял часть французской армии и по договору с советской властью должен был быть перемещен во Францию, чтобы дальше воевать против Германии. После инцидента на вокзале в Челябинске 14 мая 1918 г. советская власть требовала от легиона, согласно прежним условиям договора, сдать оружие [49, S. 55]. Каждый вооруженный представитель Чехословацкого легиона, встреченный у железнодорожной линии, должен был быть расстрелян на месте [2, р. 86].

25 мая в Марьяновке, близ Омска советские власти сделали первую попытку разоружать чехословацкий эшелон. Инцидент в Марьяновке был поводом для начала бунта Чехословацкого легиона в мае 1918 года [49, S. 57–58]. Еще 25 мая легионеры заняли Марьяновку, а на следующий день западная группа легионеров захватила Ново-Николаевск и таким образом помогла белогвардейцам захватить власть.

28 мая Нижнеудинск попал во власть легиона, в ночь на 29 мая был занят Канск. 31 мая пали Тайга, Анжерск, Судженск, 4 июня – Томск. Легион разделился на 3 группы: восточную, среднюю и западную. Средняя группа легионеров 27 мая окончательно оккупировала Челябинск, 31 мая – Петропавловск, 2 июня – Курган и, наконец, 7 июня – Омск. С начала июня на среднем участке после легких побед легионеров начались серьезные сражения с большевиками, которые шли с переменным успехом. 18 июня после долгой и кровопролитной битвы легионеры захватили Троицк. 26 июня пал Златоуст. Связь между западной и средней группами легиона смогли создать только после захвата 6 июля горнопромышленных городов Бердянск и Кусинск, восточнее Уфы.

Самая западная группа легионеров 28 мая заняла Пензу, 29 мая – Сызрань и 30 мая большой мост через Волгу вблизи Батраки. 8 июня легионеры вошли в Самару. 4 июля были оккупированы Оренбург и Уфа [49, S. 60–62]. В начале июля легионеры объявили о своем желании остаться в России с целью установить антигерманский фронт в России вместе со всем русским народом и союзниками. 7 августа 1918 г. они завоевали Казань, где находился золотой запас русского государственного банка.

К этому времени большевикам удалось создать боеспособную армию, в которой использовались офицеры царской армии. В июле 1918 г. большевики перешли к принудительной мобилизации офицеров. В конце 1918 года Красная Армия уже насчитывала 700 000 солдат [40, р. 61–63].

Другой мощью антибольшевистской силой было казачество. С мая 1917 г. до начала 1918 г. казаками была завоевана Донская область [40, р. 86–87]. Казаки атамана А.И. Дутова взяли Оренбург – железнодорожный узел единственной дороги в Среднюю Азию. Туркестан, где в середине 1918 г. еще находились около 30 000 военнопленных, был отрезан от Советской России [43, S. 180]. В Сибири в конце августа 1918 г. чехословацкий полковник Р. Гайда прорвал последний красный фронт в Забайкалье и таким образом открыл для легионеров железнодорожный путь от Волги до Тихого океана. 23 июня 1918 г. в Омске было создано Временное сибирское правительство. С конца сентября 1918 г. Временное всероссийское правительство во главе с генералом В.Г. Болдыревым требовало неограниченных полномочий. Это правительство было свергнуто в ночь на 17 ноября 1918 г. [40, р. 100, 108]. 18 ноября совет министров Всероссийского правительства выбрал адмирала А.В. Колчака "верховным правителем" [45, р. 41]. В течение двух месяцев генерал А.И. Деникин достиг похожего положения на юго-западе [40, р. 111].

После поражений на западном фронте немецкие войска отступали из завоеванных ими русских земель. 13

ноября 1918 г. Всероссийский центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров РСФСР аннулировали Брест Литовский договор [38, S. 177–178].

Положение военнопленных в первые недели советской власти

При А.Ф. Керенском положение военнопленных в России резко ухудшилось. Известие об Октябрьской революции поселило в них надежду на скорое возвращение домой [9, S. 261–262]. Нижний военный чин Гисингер писал из Никольск–Уссурийска: "Наш лагерь похож на муравейник, который кто–то грубо обшарил. Все на ногах с утра до вечера. Одно происшествие следует быстрее другого" [10, S. 25]. Особенно серьезное влияние на психику военнопленных оказало заключение перемирия [14, S. 26, 295]. Вообще можно заключить, что военнопленные после Октябрьской революции имели разные судьбы. Часть из них была освобождена [37, S. 339]. Солдат Кэстенбергер писал о своем пребывании в Ташкенте: "В 1918 г. пришла для нас, военнопленных, долгожданная свобода в том смысле, что лагеря были закрыты и каждый из нас мог свободно работать по своей профессии в городах. Для нас, которые три года жили без всякого контакта с внешним миром, это было большим облегчением" [36, S. 1]. Однако бывший пленный Йоганн Пильц рассказывает так о свойствах этой свободы: "Еще одно очень "приятное" следствие этих новых свобод и равенства было в том, что нам сейчас приходилось самим кормить себя" [44, S. 40–50]. По этому поводу австро-венгерское военное министерство сообщало 7 августа 1918 г. депутату имперского парламента Альберту Северу: "Надежда, что положение военнопленных в России после падения старого режима улучшится, ни в коем случае не оправдалась. Свобода передвижения ввиду большого расстояния военнопленных от родины, не только не имеет практического значения, но и связана с прекращением должного присмотра с русской стороны" [24].

В других местах пребывания военнопленных после Октябрьской революции вообще ничего не изменилось [13, S. 443–452]. Солдат Ган, содержащийся в горнопромышленном месте Боровичи, писал: "...Было много собраний и снова для нас все осталось по старому" [11, S. 33]. Эрнст Ройтер, позже бургомистр западного Берлина во время советской блокады, писал из угольного рудника в деревне Савинске в Тульской губернии: "Современные политические события только краем захватывали нас и не сказывались на нашей однообразной работе" [49, p. 57–58]. Офицер Юнгбауер пережил Октябрьскую революцию как "... время полного бесправия ...", которое ощутили на себе и военнопленные [15, S. 223].

Следующие слова американского историка Г. Дайвиса обобщают мнение, которое до сих пор преобладает в

западной литературе, посвященной положению военнопленных под властью большевиков. Так, он пишет: "Октябрьская революция принесла для военнопленных больше разочарований, чем счастья. Большевики обещали военнопленным полные гражданские права в советском государстве и полную свободу передвижения внутри России. Но они сократили выплату офицерских жалований, в то же время солдаты бывшей русской армии, которая находилась в состоянии распада, вернулись на родину и отнимали у военнопленных хорошие места работы. Тысячи безработных военнопленных странствовали из одного города в другой, многие нищенствовали на улицах с официальным разрешением власти" [6, S. 37–49].

Как мы видим, о непосредственном воздействии Октябрьской революции на положение военнопленных в литературе приводятся различные данные. В одних местах ничего не изменилось, в других положение пленных гораздо улучшилось. Часто пишут, что русские перестали их обеспечивать продуктами. Однако это утверждение не соответствует действительности, как будет показано далее.

Советское управление делами пленных и его компетенции

После Октябрьской революции старые учреждения продолжали существовать, хотя и находились в плачевном состоянии. 10 августа 1918 г. в Петрограде на Инженерной, д. 4 еще работало Центральное Справочное Бюро о военнопленных [42, S. 158–159].

7 ноября (25 октября) 1917 г. Петроградский Революционный Военный Комитет назначил М. А. Фэрман комиссаром по вопросам о военнопленных и поручил ему реорганизовать Центральный комитет для военнопленных при Российском обществе Красного Креста, а также создавать комитеты помощи для военнопленных при советах.

В конце декабря Совет народных комиссаров назначил А.Л. Менчиковского заведующим отделом, комиссаром по делам о военнопленных. Менчиковский возглавил контроль над всеми организациями, которые до сих пор занимались делами военнопленных, а также обязал все местные советы создавать отделы по делам военнопленных [48, S. 34].

В конце января 1918 г. при военном отделении ВЦИК под председательстве И.И. Ульянова было создано Всероссийское Бюро по делам военнопленных. На местах в лагерях местные советы решили, например, вопрос о разделении офицеров нижних чинов [48, S. 39, 41]. 11 февраля (29 января) 1918 г. Совет Народных комиссаров принял декрет, который предусматривал передачу

всех организаций, которые занимались до сих пор делами военнопленных в отделение по демобилизации армии [48, S. 34].

После заключения Брест–Литовского мира народный комиссар внешних дел Г.В. Чичерин выступал за образование новой центральной организации по делам военнопленных. Совет Народных Комиссаров решил установить центральную организацию и отменить все другие существующие учреждения. 27 апреля 1918 г. Ленин подписал декрет об образовании "Центральной Коллегии о пленных и беженцах" (Центропленбеж). Главой Центропленбежа стал И.С. Уншлихт [43, S. 132–133].

Как следует из одного письма Центральной Коллегии от июня 1918 г. существовал сначала отдел о военнопленных Комиссариата по демобилизации армии, который в основном пополнялся кадрами из соответствующих дореволюционных учреждений. Позже отдел был преобразован в Коллегию о пленных и беженцах [56, л. 99–99 об.]. После основания этой Центральной коллегии из старых органов по делам военнопленных сохранялся только Московский комитет помощи военнопленным, потому что он имел широкие международные контакты [48, S. 83].

В приказе № 1 Центральной коллегии было заявлено о том, что 27 апреля 1918 г. Совет народных комиссаров издал следующий декрет:

1. "Для согласования, объединения и направления деятельности всех учреждений и организации ведавших до настоящего времени делами о военно–пленных, гражданских пленных, заложниках и беженцах, для руководства всеми делами, возникающими в отношении лиц, перечисленных категорий, в связи с окончанием войны учреждается Центральная коллегия по делам о пленных и беженцах.

2. Центральная коллегия действует как самостоятельный орган власти при Комиссариате военных дел.

3. [...]

4. Постановления Центральной Коллегии обязательные для всех учреждениях Советской Республики" [53, л. 35].

Центральная коллегия была помещена в Москве, на Большой Никитской, д. 43 [53, л. 35].

Приказом № 2 Центральная коллегия определяла организацию на местах. Все дела о военнопленных должны быть переданы из ведения бывших органов под покровительство коллегий для военнопленных, которые должны быть образованы при областных, губернских и краевых советах. Соответствующие Советы назначали члены коллегий. Местные коллегии составили исполнительные органы Центральной коллегии по делам о пленных и бежен-

цах. Что казался общего контроля и обзора, то они были подчинены соответствующим Советам. Местные коллегии имели на их территории те права, которые предусматривал декрет Совет народных комиссаров от 27 апреля для Центральной коллегии. При образовании местных коллегий были использованы сотрудники старых учреждений, которые до этого занимались военнопленными [53, л. 41].

Центральная коллегия издала инструкцию к выполнению приказа об образовании местных (областных, губернских и краевых) коллегий по делам о пленных и беженцах.

Инструкция содержала следующие положения:

1. Управление личным составом пленных, их регистрация, помещение и надзор, также их передислокация с одного места на другое должно осуществляться в пределах территории коллегии.

2. Их снабжение продуктами и одеждой, выдача зарплат, санитарный надзор и медицинская помощь для пленных.

3. Определение на работу и проверка правильного вознаграждения за работу и похожие вопросы.

4. [...]

5. Подготовка пленных к эвакуации и надзор за их отправкой к соответствующим пунктам эвакуации и обмена [51, л. 5].

В качестве самой срочной задачи коллегия должна была сначала организовать точную регистрацию всех пленных и беженцев, находящихся в пределах их территории и прекратить их беспорядочное и самовольное передвижение с одного места на другое [51, л. 5 об.].

В приказе № 112 от 4 сентября 1918 г. Центральная коллегия приказала всем местным коллегиям основать собственные отделения культурного просвещения которые должны распределять газеты и брошюры между военнопленными, организовать чтения и вести митингов и курсы о политических темах и создать библиотеки [51, л. 151].

Нет возможности доказать наличие подобных коллегий в Туркестане. Фон Шульманн обращался к народному комиссару военных дел в Самарканде, когда он хотел добиться улучшения питания для пленных [25, S. 2]. За снабжением продуктами в Туркестане отвечал генеральный интендант в Ташкенте [29].

Центральная коллегия в Москве была часто вынуждена критиковать местные органы. В качестве связующего звена между Центральной коллегией и местными отделениями служили уполномоченные Центральной коллегии [56, л. 429; 57, л. 432–432 об.].

Уполномоченный Центральной коллегии Перми в отчете за период с 4 июня по 10 июля 1918 г. писал, что Екатеринбургская районная коллегия по делам пленных и беженцев отказывается во всяком сотрудничестве с уполномоченным. Коллегия не предприняла никаких мер для эвакуации пленных, хотя такие возможности были. В том же ключе был составлен отчет и о деятельности Центральной коллегии в Богоуловском районе [55, л. 13–21 об.]. Там центр так же не мог осуществить свои указания. Комитет военнопленных в Елабуге жаловался в письме от 25 июня 1918 г., что их подчиняют многим учреждениям: исполнительный комитет, комиссар военнопленных, комиссар военных дел [52, л. 20].

В управлениях лагерями частично распоряжались особые комиссары. В Томске в виду многих попыток побега были назначены два комиссара с чрезвычайными полномочиями, Томский гарнизонный совет давал детальную инструкцию о поведении пленных.

Приказ № 46 Сибирского военного комиссариата в Иркутске от 30 апреля 1918 г. предусматривал в параграфе 1 назначить во всех лагерях военнопленных особых комиссаров, которые должны следить за порядком и общих условиях содержания военнопленных [16].

Помимо коллегий и комиссаров значительную роль в делах военнопленных продолжали играть русские военные [19, S. 3]. Частично и иностранцы достигали положения, дающего им власть над их бывшими товарищами в плену, как рассказывал об этом один офицер, вернувшийся на родину: "Непосредственно перед моим отъездом шла речь о том, что надо охранять офицеров, потому что они совершают побеги. На это замечание красноармеец дал совет, пусть они охраняют сами своих офицеров. За день до моего отъезда действительно оборудовали для офицеров один барак в качестве караульного помещения" [20, S. 50].

Об управлении лагерем в Ново-Николаевске писал другой офицер: "В декабре 1917 г. на основе выборной системы, которая была введена в русских войсках, русские рядовые принимали на себя управление лагерями военнопленных. [...] В марте, после некоторых митингов, которые были организованы русскими, образовалась часть наших рядовых, которые взяли управление лагерем (питание, выход, управление Красного Креста) в свои руки и в день ратификации мира 18 марта они сформировали лагерный караул, который заменил распущенный за день до этого русский караул"[20, S. 43].

В Скобелеве в 1918 г. пленные еще подчинялись командиру дружины. Прошения находились все еще в ведении канцелярии в служебном порядке [15, S. 263]. С основанием Центральной коллегии по делам пленных и беженцев Советская власть намеревалась организовать

управление военнопленными. На практике эта система работала со сбоями, был беспорядок в компетенциях, часто местные руководители не признавали приказы Центральной коллегии.

Инструкции об обращении с военнопленными

19 (6) декабря 1917 г. газета Известия опубликовала решение Народного комиссариата иностранных дел. Это решение (применительно к пленным города Боровичи) предполагало освобождение пленных от принудительных работ, предписывало зарплату на одном уровне с русскими рабочими, введение обязательного выходного в воскресенье, компенсацию при инвалидности и болезни и право на собственные политические организации и др. [48, S. 35].

Но комиссар по делам о военнопленных, Менциковский, сделал заявление, согласно которому декрет о военнопленных Боровичского уезда имел плохие последствия. Очевидно, что возникли недоразумения при интерпретации декрета, потому что советские органы применяли предусмотренные только для города Боровичи постановления в других районах. Менциковский обращался к местным Советам с требованием прекратить свободный разгон военнопленных. Он объяснил это намерением планомерно репатриировать всех пленных [38, S. 12]. Он подчеркнул принципиальную готовность советского правительства распространять меры, предусмотренные для пленных города Боровичи на всех военнопленных, если центральные державы признают принцип взаимности. Центральные державы не ответили на эту инициативу.

Несмотря на это, советское правительство распространяло декрет о военнопленных города Боровичи на всю страну, как пишет немецкий историк Штригниц [48, S. 35]. Так, газета Правда 26 декабря 1917 г. сообщила, что народный комиссариат иностранных дел постановил, что рабочие военнопленные обязательно должны получать полную зарплату [48, S. 35]. 28 декабря 1917 г. Совет народных комиссаров своим распоряжением признавал военнопленных свободными, так как он наделял их правами граждан нейтральных государств. Австрийская историк Мориц пишет, что этим распоряжением "...большевикам удалось снять с себя важные обязанности по содержанию военнопленных"[43, S. 121–122].

21 февраля 1918 г. Бюро по делам военнопленных при Всероссийском ЦИК рабочих, солдатских и крестьянских депутатов решило как можно скорее подавать заявление в ВЦИК Советов для уравнивания пролетариев между гражданскими и военными пленными с пролетариями русского гражданства. Во многих местах Советы сами отменяли льготы военнопленных офицеров и не

ждали постановления центра.

Но приказ Центральной коллегии по делам о военнопленных и беженцах № 11 от 19 мая 1918 г. предписывал действовать в отношении с пленными неизменно в соответствии с постановлениями, приказами Центральной коллегии, а также Совета народных комиссаров, вновь заключенных и не объявивших недействительными международные договоры и распоряжения бывших правительств, поскольку их не снимали особыми актами [51, л. 15].

Как образец для черновика инструкции об охране военнопленных в лагерях и на рабочих местах служил дореволюционный текст. Подлинник инструкции был подтвержден военным министром Керенским 30 июля 1917 г. Сотрудник Центральной коллегии только зачеркивал некоторые отрывки и добавил другие [51, л. 1–2 об.].

В одном письме в Губернскую коллегию в Твери Центральная коллегия давала пояснения о том, что в соответствии с прежними договорами о военнопленных, которые признавал Совет народных комиссаров, пленные офицеры должны были получать зарплату, а именно: генералы 125 рублей в месяц, штабс-офицеры 75 рублей, а обер-офицеры 50 рублей [54, л. 39].

Из русских документов следует, что дореволюционные приказы остались в силе. В июле 1918 г. Центральная коллегия сообщила: снабжение военнопленных с мундирами производится на основе Положения о военнопленных, которое было заявлено в приказе к военному ведомству от 31 октября 1914 г. под номером 697 [57, л. 371 об.].

Итак, старые правила так и остались в силе. И новое российское правительство следовало указаниям Гагской конвенции, как доказывает предписание о зарплате для военнопленных офицеров.

Размещение военнопленных

Сначала советская власть хотела помещать всех военнопленных восточнее линии Вологда–Рязань–Воронеж, но Центральная коллегия скоро отказалась от этого плана. Далее можно увидеть, как распределялись военнопленные по регионам по данным одного документа Центральной коллегии от 26 августа 1918 г:

1. Московская область: 78 500 человек, из них 8 000 немцев, 69 250 австрийцев и 1 250 турок.
2. Казанская область: примерно 197 000 человек, из них 18 000 немцев, 178 000 австрийцев и 1 000 турок.
3. Омский военный округ: примерно 117 500 чело-

век, из них 8 750 немцев, 108 250 австрийцев и 750 турок.

4. Иркутский военный округ: примерно 141 000 человек, из них 22 750 немцев, 112 000 австрийцев и 6 000 турок.

5. Приамурский военный округ: примерно 10 250 человек, из них 2 500 немцев, 6 500 австрийцев и 1 250 турок.

6. Туркестанский военный округ: примерно 45 000 человек, из них 4 000 немцев и 41 000 австрийцев.

В бывших фронтовых округах были зарегистрированы примерно 300 офицеров и 22 000 рядовых [57, л. 551–551 об.].

Пленные жили в таких же квартирах как до революции. Но Центральная коллегия следила за тем, что бы эти квартиры были в хорошем состоянии. Так, например, в телеграмме к Смоленской коллегии о военнопленных заявлялось, что по полученным сведениям, военнопленные в Смоленске живут в очень бедных, грязных квартирах. Центральная коллегия просила разобраться в этом деле и принять решительные меры [57, л. 351].

Продовольствие для военнопленных

До Октябрьской революции снабжение продовольствием рядовых военнопленных постоянно ухудшалось. Осенью 1917 г. они начинали голодать. Центральная коллегия стремилась в своих приказах принять меры против этого бедственного положения.

Так, она предписывала следующее:

- а) Продукты пленные должны получать примерно в соответствии с рационом гражданского населения.
- б) Продажа нерационированных продуктов для военнопленных должна быть свободой.
- в) Все рационированные продукты должны выдаваться военнопленным не более официального пайка [57, л. 293 об.].

Так, например, в Козлове военнопленные получали следующее, как писал об этом уполномоченный Центральной коллегии:

1. 1/4 фунта хлеба, с 1 сентября по 1/2 фунта. Гражданское население не всегда получало хлеб.
2. Мясо 1/10 фунта.
3. Жира нет, вместо него 4 золотника* мяса.
4. Гороха, фасоли или чечевицы нет, вместо них капуста или сухие овощи 6/10 фунта.

* Золотник = 4, 26 грамм.

5. Выдача сахара была прекращена с 11 августа, выдача чая с 26 августа. Гражданское население не получил эти продукты с начала июля.

6. Пшено 16 золотников в соответствии нормой и еще 8 – благодаря стараниям коллегии.

7. Табак по мере возможности [52, л. 63 об.].

В соответствии с этими данными военнопленные получали больше продуктов, чем русское гражданское население. Немецкая комиссия по делам военнопленных в Козлове давала еще по 40 копеек в день с рекомендацией покупать мясо за эти деньги [52, л. 66 об.].

В русских источниках часто поднимался вопрос, должны ли получать военнопленные офицеры паек, как и рядовые, поскольку они получали зарплату и имели возможность сами покупать себе продукты. Поскольку военнопленным офицерам в тех экстремальных условиях дороговизны не хватало зарплаты даже на паек, Центральная коллегия предписывала всем органам, управляющим делами военнопленных на местах, вести отдельный бухгалтерский учет о суммах, израсходованных при предоставлении пайка для офицеров, которые те не могли платить из собственных средств. Эти суммы должны были быть возмещены государствами, гражданами которых были военнопленные, поэтому местные управления обязаны были посылать соответствующие документы Центральной коллегии [54, л. 65].

В 24 июля 1918 г. Тверская губернская коллегия писала, что продукты для пайка рядовых стоят 51 рубль 72 копейки в то время как офицеры получают только 50 рублей ежемесячно [54, л. 63–63 об.].

Военнопленные вынуждены были сами справляться со своим пропитанием, поэтому они порой просили хлеб у гражданского населения [31, S. 8]. Часто встречаются свидетельства о том, что пленные ловили собак и ели их [18, S. 1; 8, S. 34]. Офицер Юнгбауер сообщает еще об одном источнике пропитания для военнопленных в Скобелеве: "Военнопленные стояли вместе с брошенными собаками у мясного базара и подстерегали внутренности, которые мясник при забое лошади, коровы или барана бросал им за ненадобностью. Люди дрались за эти отбросы с собаками..." [15, S. 243]. Многие рядовые просто умирали от голода [15, S. 224, 240].

Подобные свидетельства встречаются также и в русских документах. Так, из Богоусловского горного округа Пермской губернии просили больше не посылать к ним военнопленных, потому что там все умерли от голода [55, л. 12].

Соответствуют этому и высказывания одного австрийского офицера разведки в Царицыне о том, что в

течение только одной недели умерли 4 000 австро-венгерских военнопленных от голода, потому что они не получили от красногвардейцев, которые караулили их, никаких продуктов, более того, им было запрещено покупать продукты [35]. В другом документе сообщается о Царицыне следующие: "Голодная смерть военнопленных на улицах стала уже повседневным явлением..." [32, S. 8].

Другой источник сообщает о том, что в Скобелеве 200 пленных погибли из-за недоедания: "В лагере и на улицах люди, худые как скелеты шатались, поднимали с поля весь съедобный мусор и проглатывали его с волчьим аппетитом". Дороговизна была и здесь так велика, что каждый из пленных должен был добавлять по 150 рублей ежемесячно, чтобы не голодать [34, S. 3].

В другом австрийском отчете о Скобелеве сообщается следующее: "Ужасная беднота с продуктами; каждый день умирают 16–20 человек от голода. [...] 5 дней спустя после заключения мира приехала немецкая комиссия, которая отделила немецкую кухню от австро-венгерской. С тех пор немцы получают 1 рубль 60 копеек на человек и день, австро-венгерцы 3 копейки. Это производит очень плохое впечатление" [31, S. 11].

По-видимому, положение с продовольствием в Туркестане было вообще очень плохое. Редким исключением на этом фоне были свидетельства о хорошем положении военнопленных. Например, о ситуации в Тюмени сообщается следующее: "Продовольствие хорошо" [32, S. 2]. О положении военнопленных в Петрограде источники сообщают следующее: "Помещение и питание проезжих репатриантов отлично" [31, S. 10]. 12 января 1918 г. военнопленный Август Роденгейсер писал из Красноярска: "Снабжением продовольствием мы довольны ..." [27]. В то же время о Вольске (Саратовская губерния) в конце июля 1918 г. писали: "Все военнопленные сбежали из лагеря из-за нехваткой хлеба" [31, S. 18].

В некоторых документах даются конкретные данные об отпуске продуктов: В Бугуруслане (Самарская губерния) питание военнопленных состояло из: "1 фт. хлеба, ? фунта каши, ? фунта мяса три раза в неделю и ? фунта четыре раза; кроме того картошки, капусты, чая и сахара; но рядовые жалуются, что дают рацион очень нерегулярно. Иногда они получают 1 фунт хлеба, но чаще не больше ? фунта и последние два дня давали тухлое мясо" [30]. Офицер Эпштейн пишет о зиме 1917/8 гг. в Оше: "Наше питание состояло только из крупяного супа, тридцати граммов мяса, горстки каши и полфунта хлеба из пшена. Раньше мы получили маленький паек хлеба, который был еще теплый, и делили его на три или четыре штуки, которые мы предназначали для разных трапез. Крошки, спадающие при резании хлеба мы тоже собирали. Вместо масла или жира мы завтракали сырой кислой капустой" [8, S. 35]. Один офицер сообщал о Ново-Николаевске

следующее: "Продовольствие: до января 1918 г. довольно хорошо, можно было все получить, хотя бы очень дорого. С января 1918 г. мы не получали зарплату, вместо этого русские давали паек, несъедобные плохие продукты, а именно: рыба или суп из капусты и каша"[20, S. 64]. О положении офицеров в Красноярске сообщает один датский свидетель: "... Продукты они получают на одном уровне с местными жителями, но они голодают, потому что этого им не хватает, и они не имеют возможности купить что-то еще" [19].

Но в одной публикации, доступной только для родственников военнопленных, писали о том же месте следующее: "Продовольствие, отпускаемое русскими, было скудным. От этого нельзя не жить и не умереть. Но через контрабанду можно его значительно улучшить. Кто имел возможность тратить 200 рублей ежемесячно, мог жить хорошо, но можно было естественно обходиться и меньшей суммой" [17].

В целом, можно сказать, что кормили пленных после Октябрьской революции очень плохо, катастрофически было положение в Туркестане. Это можно выяснить общим бедственным положением с продуктами, которое тоже касалось русских жителей, потому что пленные получали такой же паек как местные люди соответственно инструкции и частично даже больше, как доказывает документ из Козлова. Независимые представители и комиссии попечения из страниц центральных держав старались улучшить снабжение продовольствием пленных. Скудность продуктов касалась также большинства офицеров, у которых зарплаты даже не хватало на то, чтобы купить себе паек для рядовых. Однако те офицеры, которые обладали достаточными средствами, могли хорошо обеспечивать себя, как показывают сообщения из Красноярска. По свидетельствам из воспоминаний бывших пленных, а также одного русского документа из Богоусловского горного района Пермской губернии, действительно пленные умирали от голода на разных местах. При этом в мемуарах умалчивается, что русское гражданское население так же страдало тогда от голода, как и пленные.

Болезни, медицинское обеспечение пленных

Офицер Юнгбауер был оперирован в марте 1918 г. в Ташкенте. Его держали во время хирургического вмешательства, один из его товарищей получил общий наркоз. Они лежали вместе с ранеными красноармейцами, их кормили хорошо и давали им нужные медикаменты [15, S. 270]. С Юнгбауером обращались в госпитале очень хорошо. Но некоторые пленные жаловались на недостаток медицинского обеспечения. В Красноярске многие рядовые болели цингой. В телеграмме в Венское министер-

ство военных дел сообщали о Скобелеве, о том, что там военнопленные умирали массами [26].

Когда в Самарском лагере начиналась эпидемия сыпного тифа, на 6 000 военнопленных не было ни одного врача. Однако в Бийске благодаря усилиям одного пленного врача и его ассистентов смертность пленных была очень низкая, эпидемии были редким явлением [23]. По-видимому, пленные врачи жили под большевиками очень хорошо. У пленного Хиттмайра была частная практика, благодаря его успехам в медицине, он пользовался хорошей врачебной репутацией [12, S. 414]. Австрийский врач Брейтнер писал о большой свободе, которую красные предоставили врачам [5, S. 414].

По приказам военнопленные врачи получали такую же зарплату, как русские, хотя бы на местах эти распоряжения не всегда выполнялись [54, л. 46]. Побег многих врачей оставляли военнопленных без всякого медицинского обеспечения.

Личная свобода военнопленных, инструкции

До конца правления Керенского, военнопленные находились под строгой охраной и пользовались малой свободой передвижения. С приходом к власти большевиков положение военнопленных изменилось. Около 40 000 человек из них освободили из лагерей из-за проблем со снабжением продовольствием, после чего они массово хлынули в Петроград. Ленин приказал отправлять, прежде всего, офицеров как возможно быстрее и дальше, поскольку он боялся переворота с их стороны. В телеграмме от февраля 1918 г. начальнику Приамурского военного округа Ленин велел предпринять срочные решительные меры, чтобы ни один военнопленный или беженец не попал в Петроград или в какой-либо голодный район. Он указывал, что здесь военнопленные и беженцы не получали хлеба и их оставили умирать голодной смертью. Их надо посылать в те губернии, где продуктов достаточно [43, л. 125–126].

Позже Центральная коллегия приняла решительные меры. 19 мая 1918 г. она послала телеграммы всем советам, районным и губернским комиссариатам военных дел и всем штабам округов. Сообщалось, что в последнее время наблюдается на всей территории России массовое движение военнопленных. Это движение производится самовольно, против постановления центральных и местных учреждений. Военнопленные голодают и слоняются бездомно, поэтому возникает опасность массовых заболеланий. Кроме того, скопление военнопленных в удаленных районах крайне затрудняет работу по планомерной эвакуации военнопленных на родину. С целью срочного восстановления порядка в смысле снабжения воен-

нопленных и облегчения их эвакуации Центральная коллегия просила объяснить соответствующим учреждениям и лицам, а также самим военнопленным следующее: во-первых, советское правительство берет на себя ответственность за обеспечение, питание и хорошую репатриацию только для тех военнопленных, которые находятся в списках соответствующих учреждений и которые находятся действительно в определенных точках перемещения. Во-вторых, некоторые органы местной власти приносили себе право освободить военнопленных и сравняли их полностью со свободными гражданами. Прием в русское гражданство определял декрет ЦИК от первого апреля сего года и никакие другие виды освобождения из плена не допускает. В-четвертых, не разрешается никакое самовольное передвижение военнопленных в пределах Российской республики, передвижение военнопленных с одного места на другое производится только по распоряжению российских органов власти с соблюдением правил, которые были установлены по этому поводу [56, л. 124].

Приказ № 30 от 4 июня 1918 г. определял, что обмен военнопленными производился по плану. Пленные, которые передвигались вне плана должны были задерживаться и помещаться в ближайшем сборном лагере [50, л. 35.]. С такими военнопленными следовало обращаться впоследствии как с заключенными.

В приказе Центральной коллегии № 33 устанавливалось, что военнопленных необходимо крепко связывать с лагерем или работой. Охрана военнопленных на местах должна носить строгий характер, ни караулы, ни коменданты из рядов пленных не должны допускаться. При повторных побегах пленных начальник охраны должен быть передан военно-революционному трибуналу, так как он допускал побеги. Охрана должна быть аккуратна и строга, но без всякой жестокости [50, л. 38].

В Козлове число побегов упало до 5–10 человек в месяц после назначения решительного коменданта. Ежедневно там производилась вечерняя проверка [52, л. 64 об.]. На практике пленные, по-видимому, пользовались огромными свободами. В одном документе Центральной коллегии сообщается, что русские инвалиды, которые вернулись из немецкого плена, возмущались, потому что немецкие военнопленные могли спокойно сбегать, в то время как русские пленные в Германии и Австрии до сих пор подвергаются очень строгому лагерному режиму. Бараки австрийских военнопленных возле Твери не охранялись вообще и пленные свободно посещали русских инвалидов. В отчете посоветовали усилить надзор над пленными или удалить их совсем из Твери, чтобы не возникли возмущения в русском обществе и между приехавшими русскими инвалидами [52, л. 14].

Брак военнопленного с русской мог быть разрешен,

как доказывает письмо Центральной коллегии от 9 мая 1918 г. районным комиссарам для военнопленных в Екатеринбурге [56, л. 44].

В своих мемуарах бывшие пленные часто пишут о строгой охране пленных и очень ограниченных свободах, но есть примеры свидетельств и о больших вольностях. В Царицыне интернационалисты охраняли лагерь. Они жестоко избивали каждого военнопленного, который был пойман ими при побеге [33, S. 4]. В Кургане был очень строгий режим, военнопленным даже запрещали петь [22]. В Омске охрана расстреляла одного офицера, который пытался бежать [21]. В Екатеринбурге однако в конце 1917 г. рядовые пленные могли свободно передвигаться, однако офицеров еще охраняли. Врач Демел сообщил: "В 1918 г. пленному можно было легко исчезнуть из лагеря. Русские вообще не обращали на это большого внимания, потому что они были очень заняты собственными проблемами" [7, S. 402].

Приказы Центральной коллегии предусматривали очень строгую охрану пленных и предписывали задерживать всех, которые свободно кочевали. Поэтому военнопленные совсем не пользовались возможностями свободного передвижения в пределах России, как утверждают советские историки. На практике, как можно узнать из мемуаров, пленные подвергались разному режиму содержания. В некоторых местах они могли покинуть лагерь только с конвоем, как до революции и только в соответствии с приказами Центральной коллегии. В других они пользовались огромными свободами. Только после того, как бывшие пленные красноармейцы, интернационалисты, принимали охрану в лагерях, они поставили строгий надзор над офицерами.

Дальнейшая судьба военнопленных

13 ноября 1918 г. ВЦИК советов и Совет народных комиссаров РСФСР аннулировали Брестский договор. Так, обмен военнопленными временно был приостановлен. В центре и на местах революционные военнопленные образовали немецкие и австро-венгерские советы солдатских депутатов, которые должны были стать единственными представителями пленных и которые завладели собственностью комиссии попечения.

По советским данным, с 5 ноября 1918 г. и до 1 августа 1919 г. примерно 200 000 пленных вернулись домой при сотрудничестве с иностранными советами [43, S.178]. К началу 1919 г. еще 35 000 пленных находилось в Туркестане и примерно 400 000 в Сибири [4, S. 115]. В европейской части России находилось тогда только очень малое число пленных. Дипломатические контакты между Германией и Россией начались только в 1920 г., когда советский представитель Виктор Копп

приехал в Берлин. 19 апреля 1920 г. удалось договориться о контракте по обмену военнопленными [39, S. 202].

В это время Красная армия совершила свое триумфальное шествие по Сибири и освободила тех военнопленных, которые в 1918 г. попали под власть белых и чехословаков. Те не признавали Брестский договор и содержали пленных в соответствии со строгим лагерным режимом. После освобождения военнопленных силами Красной армии они стали играть важную роль в экономи-

ке Сибири. Как специалисты они были во многих сферах незаменимы и поэтому местные власти пытались затормозить процесс их возвращения домой [43, S. 187]. Но даже убежденные коммунисты требовали их эвакуации [47, S. 40]. В 1920 г. в России находилось еще 425 000 пленных. Перемены настали 11 апреля 1920 г., когда Лига Наций направила в Россию своего верховного комиссара для эвакуации пленных. Комиссаром был назначен известный норвежский полярный исследователь Фритьоф Нансен. К марту 1922 г. при его содействии на родину вернулось 427 386 военнопленных [6, S. 457].

ЛИТЕРАТУРА

1. Bibliothek für Zeitgeschichte, Stuttgart, (BZG), Archivalische Sammlungen, Materialien zur Geschichte der Kriegsgefangenen in Sibirien, Verordnungen u.a. in russischer Sprache. Ordner 1. 1914–1920.
2. Bradley J. The Czechoslovak Legion in Russia 1914–1920. New York, 1991.
3. Brandt W., Lowenthal R., Reuter E. Ein Leben für die Freiheit. Eine politische Biographie. München, 1957.
4. Brandstrom E. Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien. Berlin, 1922.
5. Breitner B. Kriegsgefangene Ärzte in Russland und Sibirien // Burghard Breitner (Hg.) Ärzte und ihre Helfer im Weltkriege 1914–1918 (Helden im weißen Kittel). Apotheker im Weltkriege. Wien, 1936.
6. Davis Gerald H. Deutsche Kriegsgefangene im Ersten Weltkrieg in Russland // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 31(1982). S. 37–49.
7. Demel R. Die moralischen Pflichten des Arztes in der Kriegsgefangenschaft // Burghard Breitner (Hg.) Ärzte und ihre Helfer im Weltkriege 1914–1918 (Helden im weißen Kittel). Apotheker im Weltkriege. Wien, 1936.
8. Epstein A. Kriegsgefangen in Turkestan. Erinnerungen von Georg Popper und Adolf Epstein. Wien, 1935.
9. Forell F. v. Wir vom verlorenen Haufen. Ein Schicksalsbuch aus Kriegs- und Nachkriegszeit. Minden, [1936].
10. Gisinger T. Kriegsgefangen fünf Winter in Sibirien und Heimfahrt über die Meere. Aufzeichnungen. Freiburg, [um 1964].
11. Hahn G. Kriegsgefangen in Russland 1915–1920. Mainz, 1926.
12. Hittmair A. Dreieinhalb Jahre in russischer Gefangenschaft. Innsbruck, [1918].
13. Hutter F. Apotheker im Weltkriege // Burghard Breitner (Hg.) Ärzte und ihre Helfer im Weltkriege 1914–1918 (Helden im weißen Kittel). Wien, 1936. S. 443–452.
14. Juhl E. Blinkfeuer in Nacht und Nebel. Erlebtes und Erschautes aus dem bunten Bilderbuch meines Lebens, 2. Auflage. Schwerin, 1926.
15. Jungbauer G. Kriegsgefangen. 2. Auflage. Budweis, 1934.
16. Kriegsarchiv Wien, Kriegsministerium, KM 1918 10/KgA., 10 7/7–402.
17. Kriegsarchiv Wien, Kriegsministerium, KM 1918 10/KgA., 10 7/7–451.
18. Kriegsarchiv Wien, Kriegsministerium, KM 1918 10/KgA., 10 7/7–491.
19. Kriegsarchiv Wien, Kriegsministerium, KM 1918 10/KgA., 10 7/7–568.
20. Kriegsarchiv Wien, Kriegsministerium, KM 1918 10/KgA., 10 7/7–579.
21. Kriegsarchiv Wien, Kriegsministerium, KM 1918 10/KgA., 10 7/7–583.
22. Kriegsarchiv Wien, Kriegsministerium, KM 1918 10/KgA., 10 7/7–632.
23. Kriegsarchiv Wien, Kriegsministerium, KM 1918 10/KgA., 10 7/7–642.
24. Kriegsarchiv Wien, Kriegsministerium, KM 1918 10/KgA., 10 7/7–664.
25. Kriegsarchiv Wien, Kriegsministerium, KM 1918 10/KgA., 10 7/7–666.
26. Kriegsarchiv Wien, Kriegsministerium, KM 1918 10/KgA., 10 7/7–709.
27. Kriegsarchiv Wien, Kriegsministerium, KM 1918 10/KgA., 10 7/7–724.
28. Kriegsarchiv Wien, Kriegsministerium, KM 1918 10/KgA., 10 7/7–743.
29. Kriegsarchiv Wien, Kriegsministerium, KM 1918 10/KgA., 10 7/7–791.
30. Kriegsarchiv Wien, Kriegsministerium, KM 1918 10/KgA., 10 7/7–807.
31. Kriegsarchiv Wien, Kriegsministerium, KM 1918 10/KgA., 10 7/7–829.
32. Kriegsarchiv Wien, Kriegsministerium, KM 1918 10/KgA., 10 7/7–839.
33. Kriegsarchiv Wien, Kriegsministerium, KM 1918 10/KgA., 10 7/7–849.
34. Kriegsarchiv Wien, Kriegsministerium, KM 1918 10/KgA., 10 7/7–853.
35. Kriegsarchiv Wien, Kriegsministerium, KM 1918 10/KgA., 10 7/7–862.
36. Kostenberger R. Mit der Roten Armee durch Russisch-Zentralasien. Graz, 1925.
37. Krist G. Pascholl Plenny. Wien, 1936.
38. Lager, Front oder Heimat. Deutsche Kriegsgefangene in Sowjetrußland 1917–1920. Hg. von einem deutsch-russischen Redaktionskollegium unter Leitung von Inge

- Pardon und Waleri W. Schurawl'jow. Mit einem Vorwort von Sonja Striegnitz. Munchen; New Providence; London; Paris, 1994.
39. Linke H. G. Deutsche Ru?landpolitik in der Fruhzeit der Weimarer Republik bis zum Abschlus? des Rapallo-Vertrags. Koln, [um 1970].
40. Mawdsley E. The Russian Civil War. Boston; London; Sydney; Wellington, 1987.
41. Michel W. Nitschewo. Das Grauen im Osten. Braunschweig; Berlin; Hamburg, 1931.
42. Mosler A. In den Sturmtagen der russischen Revolution. Meine Befreiung aus russischen Kerkern. Berlin, 1918.
43. Moritz V. Gefangenschaft und Revolution. Deutschosterreichische Kriegsgefangene und Internationalisten in Russland 1914 bis 1920. Hist. Diplomarbeit. Wien, 1995.
44. Pilz J. Der Gefangenschaft glucklich entronnen // Ausbruch zur Heimat. S. 40-50.
45. Pipes R. Russia under the Bolshevik Regime 1919-1924. London, 1994.
46. Scheidl F. Die Kriegsgefangenschaft von den altesten Zeiten bis zur Gegenwart. Eine volkerrechtliche. Monographie. Berlin, 1943.
47. Schleicher J. Reichsdeutsche und osterreichische Kommunisten und die Anfange der Sowjetisierung der sibirische deutschen Dorfer (1919-1921) // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Ru?landdeutschen. 6(1996). S. 28-42.
48. Striegnitz S. Deutsche Internationalisten in Sowjetrusland 1917-1918. Proletarische Solidaritat im Kampf um die Sowjetmacht. Berlin [Ost], 1979.
49. Thunig-Nittner G. Die Tschechoslowakische Legion in Russland. Ihre Geschichte und Bedeutung bei der Entstehung der 1. Tschechoslowakischen Republik. Wiesbaden, 1970.
50. Государственный Архив Российской Федерации (далее: ГАРФ), ГАРФ, ф. р-3333, оп. 1, д. 3.
51. ГАРФ, ф. р-3333, оп. 3, д. 475.
52. ГАРФ, ф. р-3333, оп. 4, д. 480.
53. ГАРФ, ф. р-3333, оп. 3, д. 528.
54. ГАРФ, ф. р-3333, оп. 3, д. 537.
55. ГАРФ, ф. р-3333, оп. 3, д. 540.
56. ГАРФ, ф. р-3333, оп. 3, д. 560.

© Георг Вурцер, (georgwurzer@gmx.de), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

Первая мировая война длилась с 1914 по 1918 год. Россия воевала на стороне Антанты наряду с Францией, Великобританией и другими странами против Германии и ее союзников. Россия вышла из войны по инициативе пришедших к власти за время конфликта большевиков...